

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

**Университеты России на рубеже XIX–XX вв.:
эксперимент с «чиновниками от просвещения» (А. Н. Шварц, Л. А. Кассо)**

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14–18–01833)

В статье рассматривается процесс привлечения к делу управления сферой образования Российской империи профессионалов – ректоров университетов и попечителей учебных округов. Политизация российского общества, назревание революционного кризиса и активное участие студенчества в этих процессах вынуждали самодержавную власть, наряду со стремлением подчинить университеты авторитарной правительственной регламентации и бюрократизации, идти на определенные уступки. Одной из таких уступок стал отказ самодержавной власти от практики назначения на пост министра народного просвещения представителей высшей имперской бюрократии. В статье рассматривается деятельность Александра Николаевича Шварца и Льва Аристовича Кассо. Подчеркивается, что А. Н. Шварц, бывший попечитель Рижского, Варшавского и Московского учебных округов, Заслуженный профессор, доктор греческой словесности предпринял попытку разработки и принятия нового университетского устава. Однако он не смог прижиться в кругах имперской бюрократии, неприязнь же представителей «ученого сословия» вынудила его уйти в отставку. Л. А. Кассо, крупный помещик, профессор греческого права Московского университета, став Министром, также пытался принять новый университетский устав. Шаткость позиций Министров просвещения, не способных рассчитывать на поддержку кабинета министров и университетов, становилась главной причиной их быстрых отставок.

Ключевые слова: Министерство народного просвещения, министр, учебный округ, попечитель, университеты, ректор, профессура, студенты, «студенческий вопрос», «Временные правила».

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

**Universities of Russia at the Boundary of the XIX–XX centuries:
Experiment with «Officials from Education» (A. N. Schwartz, L. A. Kasso)**

In the article the process of use professionals in management of the Russian Empire education sphere, rectors of universities and trustees of educational districts is considered. Politicization of the Russian society, maturing of the revolutionary crisis and active participation of students in these processes compelled the autocratic power along with aspiration to subordinate universities to the authoritative government regulation and bureaucratization, to make certain concessions. Refusal of the autocratic power from practice to appoint representatives of the highest imperial bureaucracy to the post of the Minister of National Education was one of such concessions. In the article Alexander Nicolaeich Schwartz and Lev Aristidovich Kasso's activity is considered. It is emphasized that A. N. Schwartz, a former trustee of Riga, Warsaw and Moscow educational districts, Honoured Professor, Doctor of the Greek Literature made an attempt to develop and adopt a new university charter. However, he couldn't get accustomed in the imperial bureaucracy circles, hostility of representatives of «the scientific estate» made him retire. L. A. Kasso, a big land-owner, Professor of the Greek Law of Moscow University, having become the Minister, also tried to adopt a new university charter. Unsteadiness of positions of the Ministers of Education, who could not rely on support of the cabinet council and universities, was the main reason of their fast resignations.

Keywords: Ministry of Education, a Minister, an educational district, a trustee, universities, Rector, professors, students, «a student's question», «Provisional rules».

Два других профессора с министерскими портфелями: А. Н. Шварц (1908–1910) и Л. А. Кассо (1911–1914) – имели славу убежденных консерваторов; не случайно поэтому именно им было доверено определение курса в сфере высшего образования после поражения первой русской революции, когда время либеральных уступок «академическому сословию» закончилось.

Александр Николаевич Шварц, выпускник историко-филологического факультета Московского университета, с 1875 г. занимался преподава-

тельской и литературной деятельностью в стенах Alma Mater, выполняя сначала обязанности доцента по кафедре греческой словесности, а с конца 80-х гг. – экстраординарного и ординарного профессора кафедры классической филологии. Блестящий оратор, «украшение историко-филологического факультета», А. Н. Шварц читал лекции по древнегреческой литературе, теории и истории искусств, занимался античной археологией; он обладал и большим весом в науке, о чем свидетельствуют полученные им пригла-

шения посетить университеты Парижа (Сорбонна) и Оксфорда [4, с. 216, 217].

В 1900–1905 гг. внук известного русского просветителя XVIII в. проявил себя и на административных постах, выполняя функции попечителя Рижского, Варшавского, Московского учебных округов [14, с. 60].

Став членом кабинета П. А. Столыпина, заслуженный профессор, доктор греческой словесности А. Н. Шварц [7, с. 4] положил в основу своей министерской политики знаменитую столыпинскую стратегию осуществления всех преобразований: «Сначала успокоение, потом реформы» [4, с. 220].

А. Н. Шварц гордился тем, что он был человеком с независимым образом мыслей, но он не мог сносить «глумления над законом»: суетливого, на потребу дня отступления от кодифицированных правовых норм развития общества, ради обретения мнимого социального спокойствия. Потому-то все постановления Совета министров и циркуляры своих недолговечных предшественников, появившиеся в годы революции 1905–1907 гг., он квалифицировал «преступлением против закона» и предпринял самые решительные шаги по восстановлению нарушенного порядка работы высшей школы. Его намерения деполитизировать университеты, изолировать их от разрушительного воздействия накаленной общественно-политической среды вылились сначала в запрещение не предусмотренной уставом 1884 г. деятельности факультетских старост и других институтов студенческого представительства, отказ от льготного приема выпускников семинарий (для них вводились дополнительные экзамены по математике, физике, одному из европейских языков [9, с. 25, 26]), недопущение вольнослушательниц к обучению в университетах, восстановление процентной нормы при приеме евреев (5 % – в столицах, 10 % – в остальных городах, 15 % – в черте оседлости [10, с. 26; 11 с. 4]). К началу нового академического года с профессоров потребовали подписку «о непринадлежности к противоправительственным партиям» [19, с. 120]. Студентам было предписано получить свидетельства, заменявшие предоставлявшиеся прежде «виды на жительство», в которых содержалось разрешение проживать «исключительно в том городе, где находится высшее учебное заведение, и в ближайших окрестностях этого города, на срок не более шести месяцев» [15, с. 26–28].

Позже, в октябре 1908 г., когда прекратилась студенческая забастовка в С.-Петербургском университете, А. Н. Шварц приступил к подготовке проекта нового университетского устава,

который должен был заменить появившиеся в разгар революции «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения» [2, с. 658, 659]. Они устанавливали ограниченную автономию университетов: вводили право выбора ректора и деканов (с последующим утверждением их кандидатур императором и министром просвещения соответственно – § 1); расширяли полномочия университетских советов по поддержанию «правильного хода учебной жизни» и пресечению нарушений академических порядков (§ 2, а, б); вверяли ректору правление инспекцией (§ 2, в); санкционировали работу профессорского дисциплинарного суда (на основании правил 27 августа 1902 г. – § 2, г).

Являясь свидетелем превращения защищенных автономией университетов в «театр беспорядков» [19, с. 121]: в площадки для проведения революционных митингов, в трибуны для революционной пропаганды, что полностью парализовало в них учебный процесс и, в конечном итоге, вызвало закрытие С.-Петербургского, Московского, Томского и Варшавского университетов [1, с. 90, 91], А. Н. Шварц поставил перед собой задачу установления пределов университетской автономии.

Многие годы занимаясь преподавательской и научной деятельностью, он признавал необходимость полной свободы преподавания, независимость научного исследования [4, с. 224]. Идея «университеты для науки», проводником которой он был, даже достигнув вершины служебной карьеры, разделялась и преобладающим большинством профессоров¹. Однако вопрос о пределах университетской автономии, который глава Министерства просвещения закономерно считал центральным при подготовке нового устава, мог разбить его сторонников на два непримиримых лагеря: адептов широких академических свобод и сторонников ограниченного университетского самоуправления². Сам А. Н. Шварц стоял на стороне последних, и потому, стараясь предупредить нарекания своих коллег-профессоров, обратился к Правительствующему Сенату за разъяснением правового статуса университетских коллегиальных органов власти. Правительствующий Сенат, который по положению располагал правом общеобязательного толкования законов, в ноябре 1908 г. сделал заключение о том, что университетская автономия в России понимается «не в смысле независимости от министра народного просвещения, а лишь в смысле дарования советам университетов права свободного выбора ректора и проректора и участия всей профессорской

коллегии в урегулировании правильного хода учебной жизни» [13–5.2].

Таким образом, в высших правительственных кругах в начале XX в. принцип внутреннего самоуправления университетов получил законодательное подтверждение. Вместе с тем университеты не могли рассчитывать на полную неприкосновенность от государственного вмешательства, которое осуществлялось через руководителя учебного ведомства. Закрепляя право профессорской коллегии участвовать в управлении академической жизнью, Сенат в то же время предостерегал «ученое сословие» об ответственности, которая возлагалась на него за нарушение «правильного хода» учебного процесса, и критерии «правильности» не могли отличаться от государственного курса в сфере университетского образования. Следовательно, автономия означала свободу в использовании выборного начала при одновременном сохранении зависимости от Министерства народного просвещения, что предполагало совмещение централизованного руководства с элементом университетской демократии.

Неукоснительное следование по пути закона предопределило центральные идеи разработанного А. Н. Шварцем проекта нового университетского устава [8, с. 334–351]³.

Общее руководство университетамиверялось министру народного просвещения, который был ответственен за «сообразование их деятельности с общегосударственными целями и нуждами» (ст. 4). «Ближайшее заведование университетами возлагалось на товарища министра (ст. 6), а «ближайший надзор за деятельностью университетов и управление ими в пределах устава» составляли полномочия попечителя учебного округа (ст. 6). В служебной лестнице академической администрации главные позиции занимали ректор, проректор и деканы.

Министр утверждал ректора, избранного советом университета из ординарных профессоров. Если кандидатура избранника профессорской коллегии не устраивала министра, то совету предлагалось провести баллотировку другого кандидата. Отвергнув решение совета второй раз, министр получал право назначать ректора своим приказом (ст. 15). По аналогичной схеме происходила процедура избрания и утверждения проректора и деканов (ст. 27, 33).

Избранными кандидатами считались все получившие абсолютное большинство голосов; все они представлялись на утверждение министру, которое могло быть дано любому из них, даже набравшему наименьшее число избирательных

голосов. В случае обнаруженного министром «несоответствия избранных факультетом кандидатов требованиям преподавания или пользе государственной» он имел возможность заместить вакантную должность по своему усмотрению лицом, удовлетворявшим требованиям законов, то есть имевшим степень доктора и установленный педагогический стаж. Следовательно, единоличное усмотрение министра, не обладавшего компетентностью во всех представленных в университете областях науки, могло оказаться выше решения целой коллегии специалистов. Кроме того, установление в качестве критерия кандидата его соответствия «государственной пользе» означало открытие дверей университетов для торжества официальной политики, а также политических взглядов и симпатий министра просвещения [8, с. 340].

Срок полномочий ректора, подчиненного не только министру, но и попечителю, ограничивался тремя годами. Деканы избирались на четырехлетний период.

В проекте была сделана попытка точного распределения объема власти каждого должностного лица. Так, ректор, председательствовавший в совете и правлении, имел административную власть над преподавателями: мог делать замечания профессорам и доцентам, обсуждать допущенные ими проступки на совете университета. «Настоящим начальником, облеченным неограниченной властью», он предстал перед студентами [8, с. 337].

Деканы, кроме «ближайшего наблюдения за преподаванием учебных предметов», были обязаны еще и контролировать «точное выполнение преподавателями установленных планов преподавания и программ курсов» [8, с. 337].

А. Н. Шварц считал нецелесообразным подчинение факультетов и правления совету университета, поэтому закрепил за советом шесть категорий дел, касавшихся университета как научно-образовательного центра в целом: например, утверждение в ученых степенях, присужденных факультетами; разбор предложений факультетов о соединении и разделении кафедр, о замене одной кафедры другой, об открытии новых кафедр [8, с. 341]. Все хозяйственные дела, наряду с назначением студентам пособий и стипендий, поручались правлению, подконтрольному попечителю [8, с. 342]. Вопросы академической деятельности по направлениям наук закреплялись за факультетскими собраниями.

Функции университетского суда переходили к ректору и деканам, которые несли ответствен-

ность за соблюдение студентами правил поведения в университете и имели право налагать на учащихся взыскания. В случае первого нарушения правил студент получал напоминание от декана; за второй проступок следовало напоминание от ректора; третье правонарушение заканчивалось увольнением из университета. В случае «важного нарушения» ректор пользовался правом немедленного увольнения студента из университета. При массовых беспорядках ректор был обязан применять полицейские расправы и исключать виновных после установления тяжести вины каждого нарушителя порядка [8, с. 345, 346, прим. 1].

Важное место в проекте устава принадлежало организации учебной деятельности на факультетах. А. Н. Шварц предусмотрел увеличение штатов и рост числа кафедр. Он стремился обеспечить более эффективные условия осуществления образовательного процесса и исследовательской работы на факультетах.

Каждый университет получал возможность определить общее число преподавателей, руководствуясь «действительными нуждами и потребностями каждого факультета и каждой кафедры». Материальное положение профессоров планировалось улучшить за счет пересмотренных в сторону увеличения окладов содержания и введения двух надбавок за два пятилетия работы. Факультетам разрешалось самостоятельно пополнять свои штаты, используя систему баллотирования, что вместе с тем не исключало вмешательства министра в осуществление университетской кадровой политики. Назначение со стороны министра просвещения рассматривалось как исключительное средство, необходимое «для борьбы с явной партийностью или забвением общегосударственных интересов в среде коллегии» [4, с. 225–227].

Проект сохранял две ученые степени: магистра и доктора – и вновь восстанавливал отмененную уставом 1884 г. должность доцента.

Программа обучения в университетах определялась представлениями А. Н. Шварца о том, что университеты – «суть учреждения, имеющие своей целью содействовать развитию наук в российском государстве и сообщать лицам, надлежаще к тому подготовленным, как общее, так и специальное высшее образование, а также способствовать приготовлению их к деятельности на различных поприщах государственного и общественного служения, требующих научной подготовки» [8, с. 335]. Он отстаивал идею «научной автономии» до тех пор, пока сам не убедился в слабой подготовленности выпускников универ-

ситетов к педагогической деятельности и не связал просчеты в их образовании с чрезмерной специализацией учебных дисциплин на ряде факультетов. Стремление усовершенствовать академический процесс сподвигло его установить пределы не только университетской автономии, но и свободы преподавания. Отныне только министру просвещения принадлежало право составлять «одинаковые для всех университетов» учебные планы «в целях обеспечения общегосударственных интересов» и преодоления слишком узкой специализации [4, с. 226]. «Состав предметов, подлежащих изучению... по избранным специальностям и общий объем познаний, требуемых по каждому предмету», также устанавливались главой учебного ведомства (ст. 94). Факультетам предлагалось заботиться как о порядке «слушания курсов», так и о распределении практических занятий по учебным годам, и, кроме этого, распределять курсы, входившие в учебные планы, на общие и специальные. Преподавание разрешалось вести по одному или нескольким учебным планам (ст. 94), а качество усвоения дисциплин проверять на ежегодных испытаниях. Успешно выдержавшие все испытания завершали обучение получением званий действительного студента или кандидата, как это полагалось по университетскому уставу 1863 г.

Выполняя пожелание Николая II сократить число универсантов, не раз дискредитировавших и педагогический коллектив, и администрацию своих учебных заведений, А. Н. Шварц включил в проект устава положение о ликвидации предоставления преимуществ по государственной службе выпускникам главных научно-образовательных центров России. Университетское образование, не дающее служебных привилегий, позволило бы значительно уменьшить приток абитуриентов из низших слоев общества, которых чаще всего и привлекали одни лишь преимущества служебных прав, неотделимые от диплома.

Министр рекомендовал получать университетское образование только искателям научного знания, заинтересованным в достижении высших ученых степеней или планировавшим преподавательскую деятельность в высших учебных заведениях. Желавшим выполнять иные государственные обязанности, сопряженные с продвижением по лестнице служебных должностей, предлагалось сдавать особые государственные экзамены, выявлявшие готовность к выполнению профессиональных навыков по месту прохождения службы [4, с. 226].

Для надзора за порядком в стенах университета вводились факультетские приставы; вне университетских строений студенты подлежали ведению общих законов Российской империи. Студенческие сходки как способ вовлечения учащейся молодежи в активную общественную деятельность категорически запрещались. О каких бы то ни было формах студенческого самоуправления, о студенческих организациях, появившихся в годы первой русской революции, в проекте устава не упоминалось⁴. Учреждение обществ и созыв собраний не возбранялись вне университетских аудиторий, но при соблюдении «общих законоположений» (ст. 165, 166).

Право поступать в университеты закреплялось только за выпускниками мужских гимназий ведомства Министерства народного просвещения или лицами, в полном объеме выдержавшими выпускные гимназические испытания. Это закрывало доступ в университеты гимназисткам, выпускникам реальных училищ и духовных семинарий [8, с. 348].

К положительным сторонам проекта устава можно отнести отмену гонорарной системы «за слушание лекций». В то же время, отказавшись от скандального «гонорария», А. Н. Шварц допускал увеличение платы за получение университетского образования: до ста рублей – в провинциальных городах и до ста пятидесяти – в столичных. Министр отменял и все практиковавшиеся прежде способы освобождения студентов от академических выплат [8, с. 348].

«Удорожание» университетского образования, узаконивавшиеся тенденции сокращения численности универсантов и отказа от «свободы учения», наряду с сохранением сильного государственного присутствия в управлении академической жизнью, предрекали проекту устава А. Н. Шварца славу «памятника торжествующей реакции» [8, с. 335]. В научных кругах и прессе он был встречен холодно, хотя в проекте содержались предложения, направленные на оживление учебного и исследовательского процессов на факультетах, укрепление финансового благополучия педагогического коллектива, избавление от рецидивов студенческой анархии. «Вестник Европы» приравнял его к «худшим заветам реакции восьмидесятых годов. От автономии, провозглашенной указом 27-го августа 1905 года, не осталось бы... и следа; в университетах водворилось бы едва прикрытое господство бюрократии... в интересах дисциплины опять были бы оттеснены на задний план интересы науки; ... студенчество опять обратилось бы в бесформенную массу и,

следовательно, опять стало бы стремиться к нелегальной группировке...» [8, с. 348, 349]. Таким был приговор либерального издания одобренному Советом министров и внесенному на обсуждение в Государственную Думу проекту очередного университетского устава. Отставка А. Н. Шварца помешала дальнейшему продвижению по согласовательным и юридическим инстанциям его детища.

А. Н. Шварцу, как и его коллегам – министрам из академической среды, не удалось прижиться в кругах имперской бюрократии. Непокколебимые убеждения в правильности выбранной управленческой политики не позволяли ему идти на поводу у председателя Совета министров П. А. Столыпина, а чувство собственного достоинства уберегало его от участия в дворцовых, правительственных, думских интригах. Наличие большого профессионального и административного опыта, высоко ценившегося императором, вызывало неприязнь представителей «ученого сословия», в глазах которых А. Н. Шварц выглядел самодовольным бюрократом, остерегавшимся смелых поступков, но крепко державшимся за свое теплое место [4, с. 220, 221, 230, 231, 234–237].

Стороннику законности и порядка, ему было непросто адаптироваться к давлению, критике, поступающим со всех сторон, газетной брани. Устав от непонимания, придинок, упреков, А. Н. Шварц подал в отставку, освободив место главы Министерства просвещения еще одному университетскому профессору Льву Аристовичу Кассо.

Крупный помещик с европейским образованием Л. А. Кассо стал профессором гражданского права Московского университета в 1896 г. и, благодаря личному расположению П. А. Столыпина, с 1911 г. возглавил Министерство народного просвещения. Четыре года, проведенные им в качестве главы учебного ведомства Российской империи, были наполнены «заботой о внешнем порядке и дисциплине», на официальном языке именуемых «упорядочением школьной жизни» [16, с. 114, 115], и это полностью подорвало у общественности веру в то, что ученость, научные заслуги, критическое отношение к действительности, свойственное представителям академических кругов, могут изменить стиль и направление деятельности Министерства народного просвещения в сторону давно ожидавшихся либеральных перемен.

Л. А. Кассо последовательно проводил курс на свертывание автономии университетов. Он

восстановил систему назначения проректоров и профессоров, хотя на протяжении двух десятилетий реформирования университетов по уставу 1884 г. на практике были лишь единичные случаи неутверждения министрами просвещения решений коллегиальных органов власти, рекомендовавших к избранию профессоров на те или иные должности [3, с. 242].

В проекте нового устава, который в очередной раз стал подготавливаться в министерстве Л. А. Кассо, восстанавливалась система назначения профессоров по усмотрению министра, сворачивались права органов университетского самоуправления, усиливался надзор за студентами [3, с. 241, 242; 16, с. 114].

Министерство начало безжалостно расправляться с неугодными преподавателями – защитниками либеральных свобод, сторонниками конституционной монархии. Их либо сразу лишали должностей (как это было с профессорами Московского университета М. Я. Пергаментом, И. А. Покровским, Д. Д. Гриммом), либо переводили в другие учебные заведения, что в большинстве случаев влекло за собой отставки [3, с. 242]. В результате таких радикальных мер решения кадрового вопроса университеты вновь начали ощущать острую нехватку профессорско-преподавательских сил. Если в 1910 г. вакантными были 110 кафедр из 443 [18, с. 89], то при Л. А. Кассо это количество поднялось до 146 [19, с. 126]. Для 60 из них не было замены даже из числа приват-доцентов [1, с. 96].

В такой ситуации чтение приват-доцентами параллельных с профессорами курсов выглядело аномальным явлением, поэтому распоряжением министра дублирующие предметы, а вместе с ними и конкуренция преподавателей были запрещены, но гонорарная система оплаты их труда при этом сохранялась.

Единственным способом быстрого пополнения университетов недостающими штатами, по мнению Л. А. Кассо, мог быть институт «профессорских стипендиатов», который министр попытался реформировать. Он предложил создать при немецких и французских университетах специальные отделения – семинарии, где магистрантам⁵ следовало «слушать новые курсы и работать под руководством и контролем» зарубежных ученых наставников. Срок их пребывания за границей определялся тремя-четырьмя годами, ежегодное денежное пособие, на которое они могли бы рассчитывать, составляло две тысячи рублей. «Пробыв несколько лет за границей, научившись там работать, ознакомившись на практике с заграничными университетскими поряд-

ками, они составят кадры преподавателей, способных перевоспитать нравы, оздоровить университетскую атмосферу, реорганизовать высшее преподавание», – полагал Л. А. Кассо [17, с. 129, прим. 1].

Ему удалось через Совет министров в 1912 г. утвердить проект «особых институтов или курсов для подготовки молодых людей к дальнейшей научной деятельности». Им предлагалось пройти обучение вдалеке от «нездоровой научной атмосферы» России: в университетах Берлина (где были организованы семинары для юристов), Тюбингена (с курсами, рассчитанными на биологов и физиков), Парижа (с занятиями для математиков и юристов), Карлсруэ (для повышения квалификации механиков и всех обучавшихся в отечественных университетах прикладным наукам) [6, с. 214, 215].

Конечно, сама идея подготовки молодых ученых за границей не была лишена смысла. Из-за студенческих волнений российские университеты часто закрывались, научные руководители «профессорских стипендиатов» увольнялись или перемещались на новое место работы⁶, накаленная общественно-политическая среда только у глухих и слепых к национальным проблемам магистрантов могла стимулировать интерес к научным открытиям⁷.

Кроме того, Л. А. Кассо, сам получивший степень доктора права в Германии [3, с. 239], не понаслышке знал о достоинствах европейской системы производства квалифицированных специалистов. Однако, отдавая предпочтение зарубежному опыту подготовки «профессорских стипендиатов», он открыто выражал недоверие к научным национальным школам, недооценивал возможности научного и профессионального роста лучших выпускников университетов в местной академической среде.

Потребность выплачивать большие денежные пособия, на 800 рублей больше установленных для «профессорских стипендиатов» стипендий, привела к тому, что значительная часть тех магистрантов, кто готовился к преподавательской деятельности в высших учебных заведениях при российских университетах, осталась без казенного содержания; это привело к резкому сокращению их численности. 51 человек, обучавшийся в европейских университетах в 1912–1915 гг., поглощал две трети кредита, который отпускался Министерству народного просвещения на «профессорские стипендии», а объемы кредитования накануне и в годы Первой мировой войны начали сокращаться [6, с. 215].

В годы войны практически все зарубежные курсы были закрыты, поэтому расчеты Л. А. Кассо на ускорение процесса подготовки отечественных профессоров за счет заграничных стипендиатов не оправдались. Многие из них не уложились в укороченные (по сравнению с запланированными ранее), двухгодичные сроки. Следовательно, программа пополнения кадров высшей квалификации оказалась неосуществимой, а институт «профессорских стипендиатов», вопреки надеждам министра, был не укреплен, а ослаблен.

К ошибкам министерской деятельности Л. А. Кассо современные исследователи относят «разгром» Московского университета⁸, отказ в расширении Томского и учрежденного в 1909 г. (в составе одного – медицинского – факультета) Саратовского университетов, запреты на открытие университетов в Минске и Вильно.

Оправдывало эту близорукую, в оценке научной общественности России, политику по отношению к высшей школе лишь то, что Л. А. Кассо руководствовался рекомендациями Николая II не форсировать темпов открытия новых университетов. Россия, вставшая на путь индустриализации, остро нуждалась в высших специальных заведениях, выпускавших востребованных в то время инженеров, в средних технических и сельскохозяйственных школах. Университеты, где переполненными были только юридические и медицинские факультеты, не готовили специалистов для отраслей фабрично-заводской промышленности (металлургов, электромехаников, кораблестроителей, инженеров-мелиораторов и др.), на которых в начале XX в. был большой спрос. Кроме того, вечно недовольные политикой самодержавия, они все чаще заявляли о себе как о кузнице бунтарей, средоточии крамолы и беззакония, а потому и не могли претендовать на поддержку со стороны императора и покровительство руководителей главных правительственных структур.

Практически все время, пока Л. А. Кассо руководил Министерством просвещения, он подвергался постоянным нападениям со стороны научно-педагогического сообщества России, леворадикальных и даже консервативных политических объединений. Журнал «Вестник воспитания» в статье, посвященной его кончине (в 1914 г.), отмечал: «Можно категорически утверждать, что главной причиной ненормального хода дела народного просвещения была рознь между пожеланиями общества и тенденциями министерства Кассо» [16, с. 116].

После Л. А. Кассо во главе Министерства народного просвещения находилось еще несколько представителей «ученого сословия»: известный гистолог Н. К. Кульчицкий (декабрь 1916 – февраль 1917), запомнившийся тем, что он приостановил работу над проектами реформы образования, начатую его предшественником П. Н. Игнатьевым, зато повелел, едва возглавив учебное ведомство, преподавателям, как и всем чиновникам, ходить на службу в форменной одежде [21, с. 264, 265]; А. А. Мануйлов (март – июль 1917) – профессор кафедры политической экономии и статистики, ректор Московского университета (1905–1911), министр просвещения во Временном правительстве первого созыва, предоставивший факультетам право самостоятельно устанавливать способы замещения вакансий без предварительного разрешения министра, уволивший с профессорских должностей всех лиц, назначенных после 27 августа 1905 г. без представления университетских советов, вновь учредивший должность доцента [22, с. 277]; С. Ф. Ольденбург (июль – сентябрь 1917) – профессор С.-Петербургского университета, известный индолог, академик (1901 г.), член правительства А. Ф. Керенского, участвовавший в открытии Пермского университета и представивший на утверждение Временного правительства проекты реорганизации Демидовского лицея в Ярославский университет, а также создания университетов в Ростове-на-Дону, Иркутске, Тифлисе, Ташкенте [23, с. 288].

Они сочетали свои министерские обязанности с активной общественно-политической деятельностью и достигли в ней значительно больших успехов, чем на посту руководителей учебного ведомства России. Так, А. А. Мануйлов, в котором замечали «административный талант», в 1907 г. был членом Государственного совета от Академии наук и университетов, одним из редакторов книжной серии «История экономической мысли» и «Русских ведомостей» – сначала издания «либеральных народников», а позже – «левых» профессоров, председателем Экономического совета Всероссийского союза городов. С. Ф. Ольденбург как один из организаторов Всероссийского академического союза – профессионально-политического объединения ученых высшей школы и Академии наук – входил в идеологический костяк партии кадетов, от которой в 1912 г. он был избран депутатом Государственной Думы. А. А. Мануйлов, С. Ф. Ольденбург были членами масонских лож, которые ставили своей целью объединение всех оппозици-

онных самодержавию сил [22, с. 274]. Они, как и большинство университетских профессоров, входивших в партию кадетов, вели легальную борьбу за либеральные реформы, приветствовали Февральскую революцию, отречение Николая II от престола.

Однако с их приходом в Министерство просвещения коренных перемен в жизни высшей школы не произошло. Устав 1884 г. по-прежнему сохранял свою силу, материальное положение профессорско-преподавательских коллективов не только не улучшилось, но и ухудшилось из-за революционных содроганий, инфляции и дороговизны, поразивших экономику России в годы Первой мировой войны.

Итак, в конце XIX – начале XX в. к административному управлению российским просвещением стали привлекаться профессора университетов, зарекомендовавшие себя на научном и педагогическом поприще, а также на видных административных постах, связанных с управлением высшими учебными заведениями и учебными округами. Многие годы занимаясь академической деятельностью и решением сложных управленческих задач, они лучше других представителей российской интеллектуальной элиты знали о проблемах университетских корпораций и, разделяя недовольство своих коллег несовершенством университетского законодательства, слабостью финансирования высшей школы, скудостью материального содержания профессоров и приват-доцентов, стремились, действуя в дозволенных законом рамках, сгладить наиболее острые противоречия между властью и «академическим сословием», между учащимися и учителями, которые еще и обострились в период нарастания революционной напряженности в России.

Однако, натолкнувшись на безразличие Николая II к судьбе университетов, организованность и сплоченность высшей имперской бюрократии, как правило, чуждой академическим интересам и не разделявшей озабоченности министров просвещения состоянием дел в университетской среде, они попадали в зависимость от председателей Совета министров и либо становились марионетками в хитросплетениях политических интриг, либо досрочно лишались своих министерских полномочий. Важным фактором, сдерживавшим инициативность и законотворческую энергию министров просвещения, стало обострение внутривластной ситуации в Российской империи.

Клубок социально-политических противоречий, ярко обозначившихся в переломный период рубежа эпох и двух революций, привел к вмеша-

тельству в академический процесс либеральных и революционных сил. Политизация университетского пространства проявилась в том, что профессорско-преподавательские силы университетов разбиты на множество нелегальных организаций («Союз земцев-конституционалистов», «Союз освобождения», «Беседа» и др.), политических партий, и хотя сторонники либеральных преобразований России преобладали, «ученое сословие» отражало весь широкий спектр политических взглядов, идей и настроений, от леворадикальных до монархических⁹, оформившихся с началом падения авторитета самодержавной формы правления.

Студенты, в большой степени склонные к радикальным формам протеста, саботировали занятия, устраивали митинги и демонстрации, нередко поддерживали и революционно-демократическое движение.

В этой обстановке попытки министров стабилизировать академический процесс, предотвратить вторжение революционного произвола в стены университетов наталкивались на непонимание студентов и части преподавателей и сопровождались либо обструктивными действиями с их стороны, либо еще большим накалом противостояния всем действиям властей, что завершалось закрытием университетов, массовыми увольнениями зачинщиков и участников беспорядков.

Оказавшись у кормила власти, министры даже с самыми конструктивными идеями, благими намерениями обязаны были ее поддерживать, предавая тем самым корпоративные интересы «академического сословия», к которому они принадлежали. Они превращались в постоянные мишени для нападок как со стороны бывших коллег, обвинявших их в близорукости и реакционности, так и со стороны высшей правительственной элиты (с которой их отныне связывала межведомственная солидарность), презиравшей министров из профессоров за их бессилие в деле водворения порядка и законности в стенах университетов.

Шаткость позиций министров просвещения, не способных опереться в своих действиях ни на поддержку кабинета министров, ни на университеты, являлась главной причиной их быстрых отставок. Попытки глав учебного ведомства сотрудничать с правительственным аппаратом ограничивались для университетов дополнительными ограничениями академических свобод, а неэффективность незначительных уступок «академическому сословию», которые к тому же не соответствовали либеральным интенциям общества,

укрепляли уверенность у преемников отвергнутых властью министров в том, что идти на более тесное сближение надо не с университетской корпорацией, а с бюрократическими силами России.

Объясняя причины непопулярности «чиновников от просвещения» и их неудач в реформировании университетов, не стоит забывать, что до конца 1916 г. министрами просвещения становились только доктора права и классической филологии. Это была особая категория ученых, которые в силу своего призвания долгие годы профессиональной карьеры занимались научными изысканиями в отраслях знаний, не связанных с повседневными запросами российского общества. Направления их исследований и специфика преподавательской деятельности сформировали и сходные ментальные характеристики: строгий академизм, любовь к логическому объяснению явлений и процессов, приверженность закону и непредвзятым оценкам, сдержанность и безэмоциональность, интерес к мелким деталям, определявшим природу целого. Оттого-то в циркулярах, регламентировавших дисциплинарный строй и академический порядок и без того задавленных беспорядком университетов, они видели и панацею от неповиновения студентов, и возможность усовершенствования всего академического быта. Стремясь усовершенствовать правовой механизм жизнедеятельности университетов при помощи своих распоряжений, составленных в духе устава 1884 г., профессора-министры ставили главные очаги науки и просвещения России под еще более пристальный государственный контроль и все больше отдаляли их от вождельных либеральных идеалов обновления. Собственные политические убеждения министров были не совместимы не только с радикализмом, но и порой – с либерализмом, а это также наносило удар по их репутации, формировало негативное общественное мнение и порождало чехарду в Министерстве просвещения, где за 17 лет с начала XX в. сменилось 13 управляющих [13–5.4].

В результате несогласованных, а нередко и противоречивых методов управления высшей школой на рубеже XIX–XX вв. университеты переживали организационные и кадровые проблемы. Часть из них лишилась опытных профессионалов, уволенных или переведенных на новое место работы; факультеты периодически теряли студентов, обвинявшихся в пропаганде антимонархических настроений, подстрекательстве к насильственным средствам борьбы за свои права,

участии в запрещенных корпоративных объединениях.

Не изменила ситуацию и Февральская революция. Она не принесла тех быстрых и разительных перемен, которые представители «академического сословия» связывали с деятельностью «чиновников от просвещения».

Библиографический список

1. Аврус, А. И. История российских университетов: Очерки [Текст]. – М., 2001.
2. Временные правила об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения: Именной Высочайший указ, данный Правительствующему Сенату (№ 26692. – Августа 27). О введении в действие Временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения [Текст] // Полное собрание законов Российской империи, по воле Государя Императора Николая Первого издаваемое. – СПб., 1908. – Собр. III. – Т. XXV. – Отд. I (от № 25605 до 27172 и дополнения). – С. 658, 659.
3. Господарик, Ю. П. «Кризисный управляющий»: Лев Аристидович Кассо [Текст] // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: в 3 т. / Под ред. В. М. Филиппова, Г. А. Бальхина, В. А. Болотова, А. Ф. Киселева и др. – Т. 2. – М., 2002. – С. 239–251.
4. Господарик, Ю. П. «Министром-законником» его называли даже враги... Александр Николаевич Шварц [Текст] // Очерки истории российского образования. – Т. 2. – М., 2002. – С. 215–238.
5. Дружинин, Н. М. Воспоминания и мысли историка [Текст] // Московский университет в воспоминаниях современников / Сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 601–614.
6. Иванов, А. Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века [Текст] / Отв. ред. С. В. Тютюкин. – М., 1991.
7. Именные Высочайшие указы, данные Правительствующему Сенату [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1902. – Сентябрь. – С. 4.
8. Новый проект университетского устава [Текст] // Вестник Европы. – СПб., 1910. – Март. – Внутреннее обозрение. – С. 334–351.
9. О недопущении лиц священного сана в число студентов высших светских учебных заведений [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1908. – Ноябрь. – Циркуляры Министерства народного просвещения. – № 1. – С. 25, 26.
10. О приеме евреев в высшие учебные заведения [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1908. – Ноябрь. – Циркуляры Министерства народного просвещения. – № 2. – С. 26.
11. Об установлении процентных норм для приема в высшие учебные заведения лиц иудейского исповедания [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1908. – Ноябрь. – Высочайшие повеления. – № 3. – С. 4.

12. Общий устав Императорских российских университетов [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – 1884 год. – Т. IX. Царствование императора Александра III. – СПб., 1893. – № 135. – С. 985–1026.

13. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры [Текст] / Под ред. Е. В. Олесеюка. – Режим доступа: URL. <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006>.

14. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. [Текст] / под ред. Э. Д. Днепров, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина, Б. К. Тебиева; отв. ред. Э. Д. Днепров. – М., 1991.

15. Правила о видах на жительство и отпускных билетах для студентов высших учебных заведений [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1908. – Ноябрь. – Циркуляры Министерства народного просвещения. – № 3. – С. 26–28.

16. Р. П. По поводу кончины министра народного просвещения Л. А. Кассо [Текст] // Вестник воспитания: Научно-популярный журнал / Под ред. Н. Ф. Михайлова. – М., 1914. – Декабрь. – Хроника. – С. 111–117.

17. Сперанский, Н. Панацея г. Кассо. 1911 год [Текст] // Сперанский Н. Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. – М., 1914. – С. 128–134.

18. Сперанский, Н. Политика в школе (По поводу неутверждения А. А. Кизеветтера профессором Московского университета. – 1910 год) [Текст] // Сперанский Н. Кризис русской школы... – М., 1914. – С. 84–86.

19. Сперанский, Н. Разгром русской высшей школы. 1912 год [Текст] // Сперанский Н. Кризис русской школы... – М., 1914. – С. 115–127.

20. Танеев, П. В. Воспоминания о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве [Текст] // Московский университет в воспоминаниях... – С. 517–532.

21. Хотеевков, В. Ф. Талантливый профессор – несостоявшийся министр: Николай Константинович Кульбицкий [Текст] // Очерки истории российского образования. – Т. 2. – М., 2002. – С. 263–265.

22. Хотеевков, В. Ф. «Уравновешенная натура духовного европейца»: Александр Аполлонович Мануйлов [Текст] // Очерки истории российского образования. – Т. 2. – М., 2002. – С. 266–283.

23. Хотеевков, В. Ф., Господарик, Ю. П. «Громадная, почти сверхчеловеческая энергия»: Сергей Федорович Ольденбург [Текст] // Очерки истории российского образования. – Т. 2. – М., 2002. – С. 284–292.

Bibliograficheskij spisok

1. Avrus, A. I. Istorija Rossijskich universitetov: Oчерki [Текст]. – М., 2001.

2. Vremennye pravila ob upravlenii vysshimi uchebnymi zavedenijami vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshhenija: Imennoj Vysochajshij ukaz, dannyj Pravitel'stvujushhemu Senatu (№ 26692. – Avgusta 27). O vvedenii v dejstvie Vremennyh pravil ob upravlenii

vysshimi uchebnymi zavedenijami vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshhenija [Текст] // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, po vole Gosudarja Imperatora Nikolaja Pervogo izdavaemoe. – SPb., 1908. – Sobr. III. – Т. XXV. – Otd. I (ot № 25605 do 27172 i dopolnenija). – S. 658, 659.

3. Gospodarik, Ju. P. «Krizisnyj upravljajushhij»: Lev Aristidovich Kasso [Текст] // Oчерki istorii rossijskogo obrazovanija: K 200-letiju Ministerstva obrazovanija Rossijskoj Federacii: v 3 t. / Pod red. V. M. Filippova, G. A. Balyhina, V. A. Bolotova, A. F. Kiseleva i dr. – Т. 2. – М., 2002. – S. 239–251.

4. Gospodarik, Ju. P. «Ministrom-zakonnikom» ego nazyvali dazhe vragi... Aleksandr Nikolaevich Shvarc [Текст] // Oчерki istorii rossijskogo obrazovanija. – Т. 2. – М., 2002. – S. 215–238.

5. Druzhinin, N. M. Vospominanija i mysli istorika [Текст] // Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov / Sost. Ju. N. Emel'janov. – М., 1989. – S. 601–614.

6. Ivanov, A. E. Vysshaja shkola v Rossii v konce XIX – nachale XX veka [Текст] / Otv. red. S. V. Tjutjukin. – М., 1991.

7. Imennye Vysochajshie ukazy, dannye Pravitel'stvujushhemu Senatu [Текст] // ZhMNP. – SPb., 1902. – Sentjabr'. – S. 4.

8. Novyj proekt universitetskogo ustava [Текст] // Vestnik Evropy. – SPb., 1910. – Mart. – Vnutrennee obozrenie. – S. 334–351.

9. O nedopushhenii lic svjashhennogo sana v chislo studentov vysshih svetskikh uchebnyh zavedenij [Текст] // ZhMNP. – SPb., 1908. – Nojabr'. – Cirkulyary Ministerstva narodnogo prosveshhenija. – № 1. – S. 25, 26.

10. O prieme evreev v vysshie uchebnye zavedenija [Текст] // ZhMNP. – SPb., 1908. – Nojabr'. – Cirkulyary Ministerstva narodnogo prosveshhenija. – № 2. – S. 26.

11. Ob ustanovlenii procentnyh norm dlja priema v vysshie uchebnye zavedenija lic iudejskogo ispovedanija [Текст] // ZhMNP. – SPb., 1908. – Nojabr'. – Vysochajshie poveljenja. – № 3. – S. 4.

12. Obshhij ustav Imperatorskih rossijskih universitetov [Текст] // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. – 1884 god. – Т. IX. Carstvovanie imperatora Aleksandra III. – SPb., 1893. – № 135. – S. 985–1026.

13. Otechestvennye universitety v dinamike zolotogo veka russkoj kul'tury [Текст] / Pod red. E. V. Olesejuka. – Rezhim dostupa: URL. <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006>.

14. Oчерki istorii shkoly i pedagogicheskoj mysli narodov SSSR. Konec XIX – nachalo XX v. [Текст] / pod red. Je. D. Dneprova, S. F. Egorova, F. G. Panachina, B. K. Tebieva; отв. ред. Je. D. Dneprov. – М., 1991.

15. Pravila o vidah na zhitel'stvo i otpusnyh biletah dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij [Текст] // ZhMNP. – SPb., 1908. – Nojabr'. – Cirkulyary Ministerstva narodnogo prosveshhenija. – № 3. – S. 26–28.

16. R. P. Po povodu konchiny ministra narodnogo prosveshhenija L. A. Kasso [Tekst] // Vestnik vospitaniya: Nauchno-populjarnyj zhurnal / Pod red. N. F. Miha-jlova. – M., 1914. – Dekabr'. – Hronika. – S. 111–117.

17. Speranskij, N. Panaceja g. Kasso. 1911 god [Tekst] // Speranskij N. Krizis russskoj shkoly. Torzhestvo politicheskoy reakcii. Krushenie universitetov. – M., 1914. – S. 128–134.

18. Speranskij, N. Politika v shkole (Po povodu neutverzhdenija A. A. Kizevettera professorom Moskovskogo universiteta. – 1910 god) [Tekst] // Speranskij N. Krizis russskoj shkoly... – M., 1914. – S. 84–86.

19. Speranskij, N. Razgrom russskoj vysshej shkoly. 1912 god [Tekst] // Speranskij N. Krizis russskoj shkoly... – M., 1914. – S. 115–127.

20. Taneev, P. V. Vospominaniya o Klimente Arkad'eviche Timirjazeve [Tekst] // Moskovskij universitet v vospominaniyah... – S. 517–532.

21. Hoteenkov, V. F. Talantlivyj professor – nesostojavshijsja ministr: Nikolaj Konstantinovich Kul'chickij [Tekst] // Oчерки istorii rossijskogo obrazovanija. – T. 2. – M., 2002. – S. 263–265.

22. Hoteenkov, V. F. «Uравnoveshennaja natura duhovnogo evropejca»: Aleksandr Apollonovich Manujlov [Tekst] // Oчерки istorii rossijskogo obrazovanija. – T. 2. – M., 2002. – S. 266–283.

23. Hoteenkov, V. F., Gospodarik, Ju. P. «Gromadnaja, pochti sverhchelovecheskaja jenergiya»: Sergej Fedorovich Ol'denburg [Tekst] // Oчерки istorii rossijskogo obrazovanija. – T. 2. – M., 2002. – S. 284–292.

¹ Даже если их либерально-радикальная часть и пыталась использовать студенческую борьбу для получения университетами полной академической свободы, каждый противник абсолютизма опасался закрытия университета, что привело бы не только к лишению возможности осуществлять научную деятельность, но и к прекращению выплаты регулярного жалования – единственного стабильного источника их жизнеобеспечения. Размеры жалования по уставу 1884 г. напрямую зависели от поступлений в «специальные средства» университетов платы студентов за обучение. Постоянные студенческие волнения, вызывавшие волну полицейских репрессий, приводили к уменьшению контингента учащихся, сокращению «запасных капиталов» университетов, задержкам в выплате жалования и штатным, и внештатным преподавателям [6, с. 196].

Следовательно, инстинкт самосохранения вынуждал даже наиболее последовательных сторонников либерализации общественно-политической жизни России препятствовать чрезмерной политизации академического процесса и агитировать своих воспитанников относиться к университетам исключительно как к «рассадникам знаний».

² В ограниченной автономии даже некоторые прославленные русские ученые, как например, В. И. Вернадский, видели причину широкого размаха научно-исследовательской деятельности в России конца XIX – начала XX в., потому что отсутствие забот об университетском управлении, по их мнению, могло

положительно сказаться на увеличении «научных сил» профессоров [6, с. 235, прим. 121].

³ В скобках ссылки сделаны на это же издание.

⁴ Еще в бытность попечителем А. Н. Шварц пришел к уверенности в том, что любые студенческие организации, даже благонамеренные, наносят академической деятельности такой же вред, как и деятельность нелегальных левых объединений молодежи. Поэтому в его проекте университетского устава не могло быть места даже самым безобидным формам студенческого самоуправления. Министр был противником создания в университетах и особых академических союзов – проправительственных боевых организаций, призванных уничтожить студенческие леворадикальные объединения. Вступив по поводу разрешения боевых студенческих союзов в конфликт с П. А. Столыпиным, долгое время поддерживавшим А. Н. Шварца, министр потерял почти единственного своего союзника в среде петербургской бюрократии [4, с. 234, 235].

⁵ Соискатели магистерской степени, а также ее обладатели по уставу 1884 г. назывались магистрантами (12, отд. II, гл. III, § 27. I. № 3).

⁶ Л. А. Кассо широко использовал практику перемещения профессоров. При нем 68 человек по политическим взглядам должны были изменить место работы. Для сравнения: при А. Н. Шварце только 10 профессоров подверглись такой процедуре вынужденного изгнания [13–5.2].

⁷ Вместе с тем отметим, что только политически благонадежные студенты имели шанс получить рекомендации для подготовки к «профессорскому званию» и быть командированными в зарубежные университеты. «Участие в беспорядках» в студенческие годы прочно закрывало двери в институт «профессорских стипендиатов» с 1884 по 1917 г. [6, с. 216].

⁸ В наказание за неспособность предотвратить студенческие волнения в начале 1911 г. без прошения были уволены представители университетской администрации, приняты отставки ста тридцати человек из профессорско-преподавательского корпуса, арестованы и высланы из Москвы сотни студентов [1, с. 96; 3 с. 241; 5, с. 610; 20, с. 531].

⁹ Будущий академик Н. М. Дружинин в 1911 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Известный в советское время историк вспоминал, что в то время на факультете «были преподаватели различных взглядов, начиная от анархиста А. А. Борового... и кончая идеалистом С. Н. Булгаковым... Но основной костяк профессуры составляла группа либеральных профессоров во главе с С. А. Муромцевым...» [5, с. 609].